

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

К Н И Г И

Франка Тилье

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Переломы

Синдром Е

GATACA, или Проект «Феникс»

Головокружение

Атомка

Головоломка

Страх

Пандемия

Сновидение

Лента Мёбиуса

Шарко

Последняя рукопись

Лука, или Темное бессмертие

ФРАНК ТИЛЬЕ

ПОСЛЕДНЯЯ РУКОПИСЬ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Т 40

Franck Thilliez
LE MANUSCRIT INACHEVÉ
Copyright © 2018, Fleuve Editions, Département d'Univers
Poche

Перевод с французского Марии Брусовани

Оформление обложки
Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-18172-4

© М. И. Брусовани, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Шолмс. Видите ли, Вильсон, мы недооценили Люпена. Придется начать все сначала.

Вильсон. А лучше еще раньше.

Морис Леблан.

Арсен Люпен против Херлока Шолмса

Предисловие

«Прежде всего только одно слово: меченосец...»¹

Так начинается книга моего отца, Калеба Траскмана. Я обнаружил папку с его рукописью на чердаке, куда он имел досадное обыкновение сваливать все подряд. Пачка листов формата А4 в полной сохранности уже с год валялась в куче хлама под слуховым окошком, из которого тем летом лился мягкий свет северного солнца. Отец никому не сообщил о существовании романа, он работал над ним в одиночестве на своей огромной вилле с видом на море в течение десяти месяцев, когда мою мать медленно пожирали в больнице болезнь Альцгеймера.

Он не завершил истории, относящейся неизвестно к какому времени. Однако мне кажется, что этой почти пятисотстраничной рукописи недостает всего какого-то десятка листов. Само по себе мелочь, но катастрофа для литературного жанра, в котором блистал отец, чьи триллеры приводили в трепет сотни тысяч читателей. И сейчас я, без сомнения, держал в руках один из его лучших романов. Лихо закрученный, запутанный, погружающий в атмосферу тревоги и страха. Один из самых черных. История этой писательницы, Лин, сделанной из того же теста, что и мой отец, покорила меня и напомнила, насколько точно книги отца отражали его глубинные тревоги и самые жуткие на-

¹ Издатели и переводчик этой книги выражают глубокую благодарность Игорю Марахову за помощь в создании русского варианта головоломки, придуманной Франком Тилье.

вязчивые идеи. Я думаю, он примирился с самим собой, только когда изливал свой страх на бумагу. А уж страха в этом романе было предостаточно — слово Траскмана.

«Ну и чем же он кончается? — спросите вы. — Где финал, в котором все должно разрешиться, черт побери? Почему Кaleb Траскман, король интриги и великолепных развязок, не дал нам ответов на поставленные им же самим в романе вопросы? Почему не довел до конца свою семнадцатую книгу?»

Я мог бы думать, что он забросил работу в связи с кончиной моей матери, отложил незавершенную рукопись, возможно уже зная, что через три месяца пустит себе в лоб пулю из полицейского оружия. Или же он попросту не сумел закончить историю. Да, я мог бы так думать, но некоторые детали в тексте убеждали меня в другом. Подсказывали, что отец с самого начала знал, что не допишет роман. Как будто само отсутствие концовки составляло часть интриги, «загадку Калеба Траскмана». Последний блестящий мастерский ход перед смертью.

И все же скептически настроенные читатели усомнятся: к чему сочинять книгу, не имеющую конца? Зачем тратить целый год жизни на строительство дома, зная, что вы никогда не подведете его под крышу? Сейчас, когда я пишу эти строки, загадка по-прежнему требует решения, однако это, скорее, дело личное.

Когда бессменная издательница отца Эвелина Леконт узнала о существовании рукописи, от радости она аж подпрыгнула до потолка. Однако, прочтя книгу и поняв, что интрига сводится к искусному трюку, но лишена самого главного — его разоблачения, впала в глубокое отчаяние. Немыслимо публиковать посмертный роман Калеба Траскмана без свойственной его произведениям блистательной концовки, хотя, могу предположить, что множество читателей с жадностью набросились бы на новую книгу.

И тут настала пора выдвижения самых разных предположений и самых противоречивых идей, призванных решить отцовскую головоломку. Мы неделями корпели над

этой загадкой в парижских кабинетах, устраивая мозговые штурмы. С десятков знатоков усаживались вокруг стола, чтобы снова и снова перечитывать рукопись, вылуцивать каждую фразу с единственной целью — понять, почему Калеб старательно выделил палиндромы, почему в этой книге столь заметно его пристрастие к цифрам.

В моменты непонимания и сомнения мы молча сердито переглядывались. Особенно мы заикнулись на первой фразе романа: «Прежде всего только одно слово: меченосец...» К чему она? Каков ее подлинный смысл? Поверьте, в издательстве не осталось никого, кто не знал бы о том, что меченосец — это пресноводная тропическая рыбка, получившая свое название из-за формы хвостового плавника. Теперь и вы в курсе, верно?

И вот однажды Эвелина, зная моего отца больше тридцати лет, предложила решение.

РЕШЕНИЕ.

Она наконец нашла ключ, выявила неумолимый механизм изошренного воображения моего отца. На самом деле Эвелина предложила вполне очевидную концовку, все детали красовались перед нашими глазами с самых первых слов романа (и до последних). Однако доверенную в хорошие руки очевидность как раз труднее всего заметить. Именно в этом и проявился гений Калеба Траскмана.

Теперь оставалось лишь сформулировать концовку, и тут все взгляды обратились на меня. Я не обладаю талантом своего родителя, однако все же унаследовал толику его дарования, а потому пару лет назад опубликовал парочку собственных незатейливых детективов. Ближе к концу романа вы обнаружите метку, указывающую, где за перо взялся я. Вы также обратите внимание, что на протяжении всей интриги мы оставили нетронутыми выделенные слова и некоторые другие важные элементы. Итак, сейчас вы держите в руках то, что прошлым летом оказалось в моих.

Осталось несколько мест, которые нам так и не удалось прояснить в процессе сочинения концовки, их нам пришлось выдумать. Теперь трудно узнать, к чему именно хо-

тел прийти мой отец и как он предполагал завершить эту историю. Что касается лакун, которые изначальный сюжет не позволил нам заполнить, мы были вынуждены делать выбор, принимать решения, каковые, возможно, не соответствовали тому, что имел в виду автор. Чтобы получить представление о сложности задачи, вообразите себе «Джонконду» без лица, которое поручено написать вам... В любом случае, надеюсь, моя концовка оправдывает ваши ожидания — я сделал для этого все, что мог.

Для того чтобы максимально сохранить замысел Калеба, до последнего слова соблюсти дух этой книги, требовалась именно та развязка, которую вы обнаружите в романе. В ней — если вы будете читать внимательно — содержится ответ на вопрос, который вы неизбежно себе зададите.

Ах да, вот еще что. Я думаю о самых преданных читателях Калеба, о тех, кто скептически отнесется к самому этому предисловию. Я так и слышу их рассуждения: это предуведомление написал сам Калеб Траскман, он явно был бы на такое способен. Подобный ход является частью истории, а это наводит на мысль о том, что Калеб сам придумал концовку, изменив собственную манеру письма. Думать так — ваше право, и я никогда не смог бы доказать обратное. Но в конце концов, какая разница. Роман — это игра иллюзий, все столь же правдиво, сколь и ложно, а история существует лишь в тот момент, когда вы ее читаете.

Книга, к которой вы вот-вот приступите (а может, уже приступили?), называется «Последняя рукопись». Это моя идея, и издательство единодушно ее приняло. Выбора не было.

Ж.-Л. Траскман

КАЛЕБ ТРАСКМАН

ПОСЛЕДНЯЯ РУКОПИСЬ

«Прежде всего только одно слово: меченосец...»

ПРОЛОГ

Январь 2014 г.

Зима. Изголодавшаяся, паршивая, беспощадная. Она приводила в уныние бегунов-любителей и сметала своим ледяным крылом все планы на наступивший год. Сара же, наоборот, видела в ней дополнительный стимул для тренировок. Близились департаментские соревнования по бегу на среднюю дистанцию, и она рассчитывала блеснуть на них.

Семнадцатилетняя лицеистка спрятала белокурые волосы под шерстяную шапочку в сине-зеленую полоску, натянула специальные спортивные перчатки, закрепила на предплечье нарукавный фонарь, сбежала по лестнице и заглянула в кабинет:

— Мам, я ухожу!

Никто не ответил. Ее мать наверняка бродила в дюнах или вдоль берега моря в поисках вдохновения для нового романа. Отец руководил строительно-реставрационными работами и никогда не возвращался раньше семи, а в последнее время и около десяти вечера. Все чаще случалось, что родители вообще не пересекались, а если и ужинали за одним столом, то не поднимая друг на друга глаз, молча, словно золотые рыбки в аквариуме. Вот почему Сара никогда не выйдет замуж. Она и сейчас не может вытерпеть парня больше трех месяцев, а уж девятнадцать лет в одной банке...

«Дарящая вдохновение» торчала среди дюн Отийского залива, на самом юге Берк-сюр-Мер. Это название, «Даря-

щая вдохновение», Сара считала идиотским. Но именно на этой вилле — развалине, купленной за небольшие деньги десять лет назад и в то время носившей имя «Роза песков», — Лин, ее мать, тогда школьная учительница, написала свой первый, имевший успех роман. Сюда можно было добраться по разбитой асфальтовой дороге, проехав метров триста от полосатой красно-белой вышки наблюдающего за побережьем маяка. Дом в англо-нормандском стиле в некотором смысле отмечал границу между человеческой цивилизацией и царством природы. Единственными его гостями были немногочисленные чайки, стайками прилетавшие посидеть на черепичной крыше, постоянно обдуваемой ветром с песком. Сара ненавидела этот забирающийся в любую щель, хлещущий по стеклам, оседающий на машинах мерзкий песок.

Она сделала селфи — ее смеющиеся глаза напоминали два огромных синих озера — и послала матери, добавив сообщение: «Ушла бегать». Потом оставила телефон на столе в гостиной и заперла за собой дверь на ключ.

Юная спортсменка миновала сарай, где хранились парусные тележки, и, пройдя по тропинке через дюны, вышла на заасфальтированную дорожку, связывающую залив с эспланадой.

Летом там было не протолкнуться среди гуляющих, которые приезжали сюда, в основном чтобы полюбоваться на поселившуюся здесь с незапамятных времен колонию тюленей и нерп. Но сейчас, в половине шестого вечера 23 января 2014 года в темноте, с трудом пробиваемой светом редких фонарей, маячили лишь призраки торговцев вафлями да привидения воздушных змеев.

Холод Сару не беспокоил, но она ненавидела межсезонье и мечтала лишь об одном — поскорее покинуть Опаловый Берег. Эти городки на краю света, обескровленные добрую половину года, ходили на прибрежные кладбища. Съездившиеся за металлическими ставнями рестораны и бары, жители, сидящие взаперти в своих четырех стенах,

где они напиваются или простодохнут со скуки, пытаются согреться у камина. Настоящая богадельня. Ее родители — разумеется, главным образом мать, имеющая вполне приличный доход от переизданий, — собирались приобрести квартиру в самом центре Парижа. Обменвиллы среди дюн, в триста квадратных метров, на трехкомнатную квартиру на шестом этаже с видом на Эйфелеву башню Сару бы очень устроил. Впрочем, речь шла вовсе не о том, чтобы продать «Дарящую вдохновение», а всего лишь о возможности иметь пристанище в столице. Мать никогда не смогла бы сочинять свои истории про убийства и похищения, не имея перед глазами Северного моря. Между нею и ее домом существовала какая-то особая связь, как у старого моряка с его кораблем. Она была убеждена, что вилла приносит удачу.

Дурацкие писательские суеверия.

За полчаса Сара встретила лишь несколько теней, волочащихся за теньями своих собак. Усталые волны едва бেলели у дамбы. Берк относил в океанские пучины, словно тело мертвого кита. Когда мгlistый туман превратил ее лицо в ледышку, девушка решила повернуть обратно: стимул — это прекрасно, но она же не сумасшедшая...

Сара пробежала мимо флотского госпиталя — дивная декорация для фильма ужасов, миновала маяк, глянувший на нее своим единственным, как у циклопа, глазом. На площадке кемпинга, втиснувшись между лодочными ангарами и песчаными насыпями, все-таки стояли какие-то автомобили. Дрожащие за окнами домиков огоньки свидетельствовали о присутствии упрямцев, вопреки трескучим морозам обосновавшихся на побережье. Сара представляла себе, как они, в своих теплых пижамах, тупо пялятся в телевизоры или бесконечно перекидываются в картишки, собравшись вокруг бутылочки красного вина.

Чтобы попасть на побережье Отийского залива, бегунья ориентировалась на голубоватое освещение фонарей. Девушка преодолела трудную сотню метров по мокрому пес-

ку в скудном свете своего нарукавного фонарика и в конце концов в густом тумане различила тусклые огни виллы, некое биение жизни в этом песчаном аду. Несмотря на несколько слоев одежды, колючий западный ветер пробирал до костей. Сара уже предвкушала, как будет наслаждаться, лежа с наушниками в горячей ванне и слушая «Нарру» Фаррела Уильямса.

Она взяла ключ на прежнем месте, вставила в замок. Но дверь оказалась не заперта.

— Мам, я вернулась!

Сара не заметила у себя за спиной тень, высоко занесшую над ней руку.

Сильный удар по голове. Боль.

И полная темнота.

Спустя полгода в ящике для писем виллы «Дарящая вдохновение» был обнаружен присланный по почте конверт с прядью, состоящей из пятисот двенадцати — ни больше ни меньше — волос. Полиция идентифицировала их как принадлежавшие Саре и связала событие с образом действий преступника, к настоящему времени совершившего четыре похищения и по-прежнему находящегося на свободе. Марка на конверте была погашена в Валансе, департамент Дром, в восьмистах километрах от виллы.

Лин и Жюлиан Морган больше никогда не видели дочери.

Спустя четыре года, декабрь 2017 г.

Едва отъехав от заправки, Квентин занялся лежавшим на приборной доске мобильником последней модели. Он попытался разблокировать его, но аппарат был защищен идентификатором отпечатка пальца. Он выключил телефон — еще не хватало, чтобы его обнаружили по геолокации, — бросил на пассажирское сиденье и повернул ручку радиоприемника. Вместо классической музыки, заполнив своей кислотой весь салон, с диска зазвучала песня рэпера Некфё «Nique les clones».

«Теперь я вижу одних только клонов, это началось еще в школе. На кого ты надеешься, чтобы выпутаться? Здесь все прикидываются, а сами мечтают о миллионе евро. Я же вырос, словно роза среди крапивы».

Роза среди крапивы. Именно так ощущал себя этот парень, непохожий на других, жаждущий вырваться из своей среды, страстно мечтающий сдать экзамены на механика, чтобы ремонтировать тачки. Он даже готов был жить под капотом «феррари», «порше», «Ауди R-8», потому что знал: ему никогда не сидеть за рулем таких тачек, как какому-нибудь богачу. Но город поймал его, обступил со всех сторон, поглотил, словно крапива, превратил в клон жульи. У него и водительских прав-то не было. Нищета обхватила его, как спрут. Стоит оказаться в его щупальцах, измазаться его чернилами — и уже не вырвешься.

Квентин вытер потный лоб, расстегнул молнию на дутой куртке и глянул в зеркало заднего вида. На дороге ни-

кого. Только повороты, тьма и смутные очертания гор. Несмотря на то что он только что совершил, Квентин чувствовал себя хорошо, спокойно, независимо. Ему нравилось это ощущение края света, вдали от бетонных стен, шума, криков женщин, избиваемых соседями по лестничной площадке. Очень скоро он покинет все эти гранитные громады и вернется в Эшироль, к своей убогой жизни. И будет дрыхнуть круглые сутки, потягивать косячки, бесконечно торчать за игровой приставкой. Вот вся пьеса о его жалком существовании. В трех актах.

Он покосился на банкноты, валяющиеся на пассажирском сиденье под «береттой» и телефоном. Маловато, конечно, но в один прекрасный день у него на кармане будет полно бабок. И он тоже уедет, как его отец. Только по другой причине. Он погладил крестик, свисающий на золотой цепочке с зеркала заднего вида, и улыбнулся. Бог наблюдает за ним.

За крутым поворотом его встретил голубоватый свет проблесковых маячков. Фары выхватили из темноты размахивающего люминесцирующей палочкой человека в оранжевом жилете. На парковке вытянулся длинный большегруз, его обследовала бельгийская овчарка с проводником. Французская таможня.

Квентин чертыхнулся. Сделав «дело», он специально свернул с автотрассы и, чтобы избежать подобных неприятностей, ехал по извилистым горным дорогам. Он притормозил. Какого черта эти козлы забыли здесь, посреди парка Шартрёз, да еще в такой час? Таможенники — настоящие сволочи, они не довольствуются проверкой документов, им непременно надо перерыть все снизу доверху и вдобавок запустить к вам в салон и багажник свою поганую ищейку. В какую-то долю секунды он решил было развернуться, однако, учитывая узость дороги, ограждение и овраг, ему потребовалась бы уйма времени, чтобы свалить. К тому же таможенник, разумеется, его увидел и махнул своим жезлом, приказывая припарковаться на обочине.

Выдохнуть, не теряться и соображать... Пять крепких мужиков, три «пежо», из них два триста восьмых с форсированным двигателем. Парень имел одно преимущество — неожиданность, и он принял решение; в любом случае выбора у него не было. Он сделал вид, что тормозит, а когда служивый поравнялся с открытым окном со стороны водителя, Квентин вдавил в пол правую педаль. Он услышал, как таможенники закричали, и увидел, что двое из них бросились к машине.

Квентин мчался ради жизни, ради свободы. Десяток километров бешено крутых виражей до въезда в Гренобль. Никаких уловок, только гнать вперед и надеяться выжить в асфальтовом аду. С его уже и так пухлым полицейским досье в случае задержания мало ему не покажется.

В каменной пустыне гор взвыла сирена. Квентин то ускорялся, то резко тормозил, как в видеоигре. Те же ощущения, плюс билет в ад. В первый раз он едва не врезался в ограждение и чудом не рухнул в пропасть. Задние шины взвизгнули, машину занесло, но он справился с управлением. Квентин торжествующе вскрикнул, ему удалось оторваться от своих преследователей метров на пятьдесят. Молодец, совсем как его виртуальный пилот на круговой трассе Нюрбургринга¹.

Когда через три крутых поворота Старуха с косой прокомпостировала ему билет, последняя мысль Квентина была о матери. Он не пристегнулся, и при столкновении автомобиля с бетонными блоками парапета верхнюю часть его тела через ветровое стекло выбросило на капот, а нижнюю придавило в салоне сработавшей подушкой безопасности. Машину занесло, в снопе искр она проехала еще десяток метров и уткнулась в край оврага. Мгновенный переход с тридцати километров в час до нуля был не столь резким, тонкая цепочка с крестиком так и осталась висеть на зеркале заднего вида, но Квентина окончательно вы-

¹ *Нюрбургринг* — здесь: название гоночной трассы, находящейся в Германии. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

швырнуло из автомобиля, и он упал с более чем сорокаметровой высоты. Первой о скалы разбилась его черепная коробка, от резкого удара лопнули внутренние органы. Сердце оторвалось от аорты, треснула одна почка.

Его восемнадцатилетняя жизнь, его воспоминания, смех и слезы — все исчезло меньше чем за секунду на безымянной горной дороге, между Шамбери и Греноблем. Автомобиль выжил, если не считать разлетевшихся в крошку стекло и продавленного левого бока.

Двадцать два года проработавший таможенным контролером водитель «Пежо-308» Марк Норез вызвал полицию и пожарных. Вечер обещал быть спокойным, а заканчивался кошмаром. До того как началась погоня, таможенник успел перед шлагбаумом разглядеть лицо беглеца. От его молодого тела остался только едва различимый, несмотря на мощный фонарь, крошечный силуэт без головы. Ну и наворотил же ты, парень! Почему пустился наутек? Чего боялся? Что делал в столь поздний час на этой пустынной дороге?

Норез минут пять поговорил с напарником, а потом двинулся вдоль ограждения к только что прибывшим коллегам. Из машины вышел проводник с овчаркой, и собака сразу проявила заметное возбуждение. Она стрелой бросилась к нетронутому багажнику и принялась лаять и скрести лапами краску. Один из офицеров, держа наготове оружие, нажал на кнопку и открыл багажник.

И тотчас отскочил, увидев труп женщины.

Без лица.

Нереально белый лунный свет, тьма, притаившаяся за деревьями, словно какая-то готовая наброситься рептилия, и черные зубцы далеких горных хребтов напомнили Вику Альграну произведение Пьера Сейнтюрье. Офицер Криминальной полиции не был знаком ни с художником, ни с его творчеством. Просто года четыре назад, где-то, вероятнее всего, в одной из галерей Гренобля, он наткнулся на подписанный этим именем рисунок. Его мозг, подобно механической руке в музыкальном автомате, тотчас отправился на поиски информации и без какого-либо контроля со стороны Вика услужливо предложил ее сознанию.

Вик с самого раннего детства копил бесполезные воспоминания. Пять лет назад он больше трех месяцев держал первенство в еженедельной телевизионной игре, которую транслировали по каналу «France2». Это сделало его звездой полицейской бригады, да и всего участка. В качестве приза он получил книги, словари и настольные игры примерно на десять тысяч евро. Вик так и не сумел расстаться со всеми этими призами, и теперь в гараже они занимали больше места, чем его машина. Он мог ответить на любой самый бессмысленный вопрос, например: «Назовите количество ходов в решающей партии между Карповым и Каспаровым, состоявшейся 9 ноября 1985 года в Москве». Или дать точное определение слову «vinculum»¹. Внезап-

¹ Латинское слово, имеющее как минимум восемь разных значений.

ное поражение сам Вик объяснял тем, что в тот день, назавтра после своего сорокалетия, встречался с более сильным противником, однако большинство друзей и коллег знали, что его просто утомила телевизионная популярность и он предпочел вернуться к жизни сыщика.

Полтора десятка человек в специальных халатах и плотно прилегающих шапочках уже суетились на месте трагедии. Пожарные, таможенники, служащие похоронной конторы, бригада научной полиции и коллеги из судебной полиции Гренобля, Этан Дюпюи и Жослен Манжматен. Поздоровавшись с каждым по имени, Вик заметил своего напарника Вадима Мореля, который давал указания фотографу из службы криминалистического учета.

Морель плеснул ему крепкого кофе. Он всегда брал с собой термос, особенно когда от холода синели не только верхушки деревьев, но и кончики пальцев. Прихватив пластиковые стаканчики и поглубже засунув носы в шарфы, коллеги направились к дорожному ограждению. Их прозвали «В + В» — издали их можно было спутать: темноволосые, ничем не примечательные мужчины среднего возраста. Правда, Вадим Морель своей наружностью очень напоминал одну игрушку, из-за чего и получил свою кличку — Мистер Картофельная Голова: толстые губы, оттопыренные уши и огромные глаза, словно вырезанные из бумаги и прилепленные слишком близко к носу блюдца.

— Таможенники стояли в четырех километрах отсюда, перед Сент-Илером. Самый обычный контроль. Водитель на сером «форде» врезался в ограждение и оказался в овраге.

Вадим протянул Вику удостоверение личности. Квентин Роуз, восемнадцать лет, проживающий в Эшироле. Еще одно лицо, которое Вик включит в свой внутренний каталог. Вернув документ и глянув за ограждение, он среди тьмы различил внизу, в ярком свете, копошащихся, словно муравьи, криминалистов.

— Как они туда спустились?

— По тропинке, там, дальше.

Они подошли к машине с тонированными стеклами, правая передняя дверь которой была открыта.

Морель указал на предметы, лежащие в опечатанных пластиковых пакетах на сиденье.

— Валялись на полу с пассажирской стороны. Немного денег, «беретта» и мобильник с разбитым в хлам экраном. Но самое главное — в багажнике.

В багажнике потерпевшего аварию автомобиля находился женский труп, наполовину запеленутый в зеленый брезент. От сильного удара тело частично оказалось в салоне. Голова, повернутая к наружным галогенным светильникам, была засунута в прозрачный пластиковый пакет, перетянутый на уровне шеи широкой голубой резинкой. Красное, лишенное кожи лицо напоминало кипящую лаву, две орбиты словно бы ждали, чтобы в них вставили глаза. Тут же, в глубине багажника, находились канистры с моющими средствами, хлорка, ведра, половые тряпки, лопата и два мешка негашеной извести.

Вик приподнял брезент. Кисти обеих рук отсутствовали — их отрезали. Запястья же были туго обтянуты полиэтиленовыми пакетами, скрепленными, в отличие от головы, скотчем, а не резинкой.

— Вот мерзость! Мог бы предупредить.

Вадим Морель приветственным жестом приподнял свой стаканчик.

— У тебя такой вид, будто ты не выспался. Развод?

— Натали хочет оставить себе Мам-Ам. Нет, ты представляешь? Собака моя, а она хочет добавить ее в бесконечный список того, что и так уже у меня украла. Прекрасный итог пятнадцатилетнего брака!

— Не хотелось бы играть словами, но дай им палец, они руку откусят. Кстати, о руках. Если ты ищешь кисти, они вон там, в углу.

Вик слегка передвинулся, чтобы не заслонять себе искусственное освещение. Вдоль правого крыла, возле места

для домкрата, он заметил плотный мешок, тоже перетянутый скотчем. Что-то вроде термопакета для замороженных продуктов.

— Они вот так и были запакованы?

— Да, как есть. К ним никто не прикасался. К рукам и голове тоже. Запакованы плотно, как обычное мясо. Предусмотрительный тип, не хотел испакостить свою тачку.

— А где глаза, лицо?

— Неизвестно. Но уж точно не в машине.

Вик вытащил пакет из багажника и поднес к свету. Кисти, сложенные между собой ладонями, заканчивались пальцами воскового цвета. Лучевая и локтевая кости, несомненно, были перерублены. Морель вытащил из коробочки жевательную резинку и засунул в рот.

— Череп продавлен к затылку. Видимо, он ободрал лицо скальпелем, а глаза вытащил ложечкой, как в кино. Ну, ты тоже видел, про Ганнибала Лектора. Подумать только, ведь этому парню и двадцати не было!

Вик положил пакет на место и сосредоточился на трупе. Жертва — женщина с коротко подстриженными светлыми волосами, судя по всему, молодая. Но точно определить возраст невозможно из-за отсутствия кожи и глаз, к тому же кровь засохла и покрыла поверхность тела, точно остывшая магма. Наверное, лет двадцать. Наличие лопаты и негашеной извести, которая ускоряет разложение органических материалов, наводило на мысль о том, что Квентин Роуз предполагал закопать тело где-нибудь.

— При ней нет никаких документов?

— Ничего. Вскрытие произведут не раньше завтрашнего вечера, потому что судмедэксперты вот уже два дня завалены работой после автобусной аварии в Шамрус¹. А про результаты анализов ДНК я предпочитаю вообще не думать... Получим лет через десять, если повезет.

— Ах, ну да, Шамрус.

Телефон Мореля зазвонил.

¹ Шамрус — горнолыжный курорт.

— Прости, это Пуарье. Я попросил пробить номерной знак. Хотя здесь без проволочек.

Он отошел, чтобы поговорить. Вик отхлебнул кофе, зажав стаканчик руками в грубых перчатках. Он размышлял о том, что ладони, так же как лицо и глаза, помогают установить личность. Отпечатки пальцев, цвет радужки, форма носа... судя по всему, преступник имел целью сделать молодую женщину безымянной. Предполагал ли Роуз избавиться от кистей в одном месте, а от всего остального где-то в другом? Куда он направлялся? Где бы он мог закопать свою жертву в этом беспорядочном скоплении лиственниц и сосен, чтобы не попасться на глаза случайному свидетелю?

Вик ненавидел начальный этап расследования: слишком уж много версий, отчего у него частенько случалась мигрень. Это дело, если немного повезет, могло бы закончиться, не успев начаться, потому что их главный подозреваемый — человек с фотографии на удостоверении личности — мертв. Одна загвоздка: поскольку он уже никогда не ответит на их вопросы, им придется сделать это самим.

Сыщик внимательно огляделся по сторонам, заметил вспышки щелкающих фотоаппаратов, растущие поодаль сосны, поворот дороги с расчерченным белыми полосами асфальтом, шефа бригады, беседующего с заместителем прокурора, которого тоже среди ночи выгнали из постели. Его память рисовала мрачную картину с невероятной точностью, ужас в реальном времени. Через час судебное ведомство выдаст разрешение вывезти тело, автомобиль отбуксируют, и начнется следствие — ровно за неделю до Рождества. Теоретически с пятницы у Вика отпуск. Первый его отпуск вдвоем с собакой, без дочери и жены, зато с повесткой в суд на 12 января, когда он и Натали будут вырывать друг у друга право присматривать за Корали. Не скажешь, что он выбрал удачный момент для вступления во вторую половину жизни.

Закончив говорить по телефону, Морель подбежал к своему шефу, а затем махнул Вику, чтобы тот следовал за ним.

Тилье Ф.

Т 40 Последняя рукопись : роман / Франк Тилье ; пер. с фр. М. Брусовани. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 480 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-18172-4

Дорожная авария в окрестностях Гренобля: юноша, удирая на автомобиле от таможенных контролеров, врезался в парапет и погиб. Подоспевшие полицейские обнаружили в багажнике тело девушки. Без лица. Так начинается новый роман Франка Тилье «Последняя рукопись», напоминающий хитроумно выточенную матрешку, где одна загадка сменяет другую. Главная линия связана с Лин Морган: скромная учительница, ставшая королевой триллера, всегда держала личную жизнь в секрете, но эта прежняя жизнь — спокойная, счастливая — обратилась в прах с исчезновением семнадцатилетней дочери. Лин вынуждена покинуть прекрасную виллу на Опаловом берегу, расстаться с мужем. Но спустя четыре года раздается телефонный звонок и ей сообщают, что муж в больнице. Более того, после совершенного на него нападения он потерял память...

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНК ТИЛЬЕ
ПОСЛЕДНЯЯ РУКОПИСЬ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Елена Леонова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Анна Быстрова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 08.06.2020. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MBD-26753-01-R